

ЯДЕРНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОДНОГО ИЗ МИКРОПОЛЕЙ КОНЦЕПТА «СКУКА»

Аннотация.

Актуальность и цели. Концепт «скука», один из компонентов русской концептосферы, рассматривается как отражение смысловых и структурных элементов ментального мира в текстах А. П. Чехова. Установленные языковые единицы, номинирующие концепт и его признаки в текстах писателя, служат материалом для построения когнитивной модели концепта «скука», его макрополя. В статье выявляются и анализируются средства экспликации концептуального ядра.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужила картотека, составленная методом сплошной выборки из художественных текстов и писем А. П. Чехова, а также лексикографические источники. Ведущие методы исследования – дефиниционный и семантико-когнитивный анализ, позволяющие рассмотреть способы языковой реализации концепта и смоделировать его структуру по полювому принципу с выделением ядра и периферии.

Результаты. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в практике интерпретации текста, а также послужить материалом для дальнейшего изучения концепта.

Выводы. Изучение репрезентации конкретного концепта на материале художественных произведений и писем национального писателя важно для понимания особенностей его мировоззрения и системы ценностей, дополняет представление об особенностях русского языкового сознания.

Ключевые слова: концепт «скука», семантика ядра, когнитивные признаки.

G. E. Makhanova

NUCLEAR CONTENT OF ONE OF MICROFIELDS OF THE CONCEPT OF “BOREDOM”

Abstract.

Background. The concept of “boredom”, one of components of the Russian concept sphere, is considered as a reflection of semantic and structural elements of the mental world in A. P. Chekhov’s texts. The established language units nominating the concept and its signs in texts of the writer serve as a material for creation of a cognitive model of the concept of “boredom”, its macrofields. The paper identifies and analyzes the means of conceptual nucleus explication.

Materials and methods. The card file, made by the method of continuous selection of art texts and A. P. Chekhov’s letters, and also lexicographic sources served as the research material. The leading methods of research were definitional and semantic-cognitive analyses allowing to consider ways of language realization of the concept and to simulate its structure by the field principle with allocation of a kernel and the periphery.

Results. The research results can be used in practice of text interpretation, and also serve as a material for further studying of the concept.

Conclusions. Studying of representation of the particular concept on the material of works of art and letters of the national writer is important for understanding the

features of his outlook and systems of values; it supplements the understanding of features of the Russian language consciousness.

Key words: concept of “boredom”, semantic kernel, cognitive signs.

Интеграция междисциплинарных подходов к осмыслению сложного феномена скуки, рассматриваемого психологами как эмоция и соответствующее психо-эмоциональное состояние (Е. П. Ильин, К. Э. Изард, Н. Д. Левитов и др.), а с социально-философских воззрений как социокультурное явление, некий экзистенциал (Л. Свендсен, В. В. Глебкин, Э. Р. Макогон, Б. Хюбнер и др.), позволяет говорить о концептуализации данного явления действительности. В лингвистическом понимании этот мыслительный процесс (концептуализация) связан с преломлением в сознании человека не только сущностей внешнего мира, но также с осмыслением и собственного внутреннего мира человека [1, с. 14]. Результатом такого познавательного процесса является ментальная единица знания, именуемая концептом и имеющая воплощение в вербальных единицах (Н. Н. Болдырев, Г. Г. Слышкин, М. В. Пименова и др.).

Показателями актуальности концепта «скука» в языковом и когнитивном сознании народа служит его номинативная плотность и рекуррентность [подробнее см. 2]. Несмотря на неоднократные указания на значимость *скуки* для русской культуры (Ю. М. Лотман, В. Н. Базылев, О. Балла, В. В. Глебкин, Э. Р. Макогон), до настоящего времени данный концепт не подвергался целостному лингвокогнитивному описанию. Получить доступ к постижению смыслов этого концепта, как и других концептов русской концептосферы, возможно через анализ семантики языковых репрезентантов, выступающих средством материализации.

Одним из уровней вербальной формы бытия концепта «скука» выступает индивидуально-авторский текст, причем, как показывает материал, *скука* как явление обладает особым статусом в картине мира А. П. Чехова, что подтверждается исследованиями литературоведов (А. Семкин, И. Н. Сухих, Л. П. Якимова, Л. Шестов и др.).

Среди различных подходов к выявлению структуры концепта, разработанных когнитивистами (Ю. С. Степанов, В. И. Карасик, В. В. Колесов, Г. Г. Слышкин и др.), мы берем за основу исследования полевую модель концепта, представленную теорией З. Д. Поповой, И. А. Стернина [2]. Данная модель, с нашей точки зрения, позволяет наиболее полно описать сложную многослойную и многокомпонентную организацию.

Исходя из наблюдений над конкретным языковым материалом и используя в концептуальных описаниях достижения смежных наук (психологии, философии, культурологии), представим макрополе концепта в виде системы двух пересекающихся микрополей – «психическое» и «экзистенциальное», каждое из которых структурировано по ядерно-периферийному принципу. Отнесение признаков к ядру или периферии основано на критериях значимости, яркости, их определяющей роли в концептуализации явления.

Рассмотрим ядерное содержание микрополя «психическое», выявив образующие его признаки посредством семантико-когнитивного анализа языковых средств, объективирующих концепт.

Семантический центр данного микрополя составляют прямые репрезентанты концепта разной частеречной принадлежности (*скука, скучный, скучать, скучно*), являющиеся нейтральными с точки зрения стилистической окрашенности. Доминантой поля выступает ключевая лексема *скука*. Благодаря субстантивной форме, обеспечивающей широту номинативного охвата денотата, исследуемый концепт получает наиболее полную реализацию [2, с. 177–178].

Обращение к словарной статье как отправной точке в анализе концепта помогает установить базисное смысловое содержание ментальной единицы. Результат сравнительно-сопоставительного изучения лексикографических материалов показал, что в словарных толкованиях понятийно-дефиниционная составляющая данной области концепта содержит компоненты, характеризующие скуку по внутреннему ощущению и каузирующим ее факторам: «томление/тягостное», «состояние/чувство» – «отсутствие дела, интереса, веселья». Соответственно, обозначим два когнитивных классификатора как «внутренняя ощущаемость» и «причинность».

В текстуальном пространстве Чехова прямые лексические репрезентанты концепта расширяют представление о признаковом составе центра микрополя, актуализируя ядерные семы (*дело, интерес, веселье, однообразие; томление, тяжесть*), отсылающие к конкретным причинам возникновения скуки или протеканию, и дополняя содержание набором других ядерных сем, отражающих когнитивные признаки концепта по тому или иному классификационному признаку.

Представим три основополагающих каузативных признака в виде бинарных оппозиций ключевому номинанту. Такая стратегия, с нашей точки зрения, раскрывает причинно-следственные связи в основании психического явления *скуки*.

Скуке противопоставлен *интерес*, помогающий ее избежать, а уж удовлетворение интереса зависит от индивидуальных потребностей:

«Когда из золотых рам глядели генералы и дамы, которые в сумерках казались живыми, **слушать рассказ** про беднягу-чиновника, который ел крыжовник, **было скучно**. Хотелось почему-то говорить и слушать про изящных людей, про женщин» (Крыжовник)¹;

«– Лидочка, кому это ты так много пишешь? – спрашивает Сомов, видя, как его жена начинает строчить по шестому листку.

– К сестре Варе...

– Гм... длинно! **Дай-ка скуки ради почитать!**

– Возьми, читай, только тут ничего нет интересного...» (Розовый чулок);

(Речь о Сувориной) «Обладает необыкновенным талантом безумолку болтать вздор, болтать талантливо и интересно, так что **ее можно слушать** весь день **без скуки**, как канарейку» (Чеховым, 22–23 июля 1888 г. Феодосия).

Интерес помогает сосредоточить внимание, активизирует работу мысли. Пробудить интерес способно как что-то новое (информация, новые люди), так и то, что объединяет людей:

«Что новенького? Черкните мне, пожалуйста. **Не дайте околоть со скуки**» (М. Горькому, 28 сентября 1900 г. Ялта);

¹ Здесь и далее цитаты из произведений и писем Чехова приводятся по [3].

«Что ж? **В городе** томительно **скучно**... Не с кем слова сказать, некого послушать. Новых людей нет. Впрочем, приехал недавно молодой врач Хоботов» (Палата № 6);

«Знакомых у него на вечере не было, и он **от скуки** подошел к Щепоткину» (Вверх по лестнице);

«В последнее время мое здоровье сильно пошатнулось. **Прибавьте к этому скуку**, постоянное безденежье... отсутствие людей и общих интересов...» (Дуэль).

Но все новое имеет свойство закономерно переходить в качественное состояние хорошо известного, что влечет за собой ослабление интереса или его утрату, а в результате и приводит к скуке:

«Николай Ильич Беляев, петербургский домовладелец, бывающий часто на скачках, человек молодой, лет тридцати двух, упитанный, розовый, как-то под вечер зашел к госпоже Ирриной, Ольге Ивановне, с которою он жил, или, по его выражению, **тянул скучный и длинный роман**. И в самом деле, первые страницы этого романа, интересные и вдохновенные, давно уже были прочтены; теперь страницы тянулись и всё тянулись, не представляя ничего ни нового, ни интересного» (Житейская мелочь).

Признак «интерес» получает реализацию в емком обобщенно-целостном значении фразеологической единицы *скуки ради*, которая с когнитивной точки зрения обладает «синергетическим взаимодействием языкового, коммуникативного, прагматического, психического и культурного факторов» [4, с. 6]: «Узелков пошагал из угла в угол, подумал и решил, **скуки ради**, повидаться с Шапкиным» (Старость).

Формальным семантическим критерием возникновения скуки является отсутствие любого дела, заполняющего свободное время, причем не ставится вопрос о качестве этого занятия. *Скука* отождествляется со смыслом «бездеятельность, безделье»:

«Я засел дома, позволяя себе выходить и выезжать только по делам службы. Дел у меня накопилось пропасть, а потому **скучать было невозможно**» (Драма на охоте);

«Ученики, каждый день ждавшие роспуска перед экзаменами, ничего не делали, томились, **шалили от скуки**» (Учитель словесности);

«Какие были деньги, свои и женины, он пролечил, кормиться было уже не на что, **стало скучно без дела**, и он решил, что, должно быть, надо ехать к себе домой, в деревню. Дома и хворать легче, и жить дешевле; и недаром говорится: дома стены помогают» (Мужики).

Но скука может быть и при наличии дела. Постоянная работа как вынужденная и необходимая занятость в результате ежедневных повторов утрачивает свою новизну, становится неинтересной и вызывает скуку:

«Как хороший врач-практик, которому **скучно лечить неинтересную болезнь**, он мельком и нехотя оглядел мой тарантас, коротко и ясно поставил диагноз, подумал и, ни слова не сказав мне, лениво поплелся по дороге...» (Из Сибири);

«Сначала мне было невыразимо **скучно разбирать размашистые почерки приставов**, но потом мое внимание мало-помалу фиксировалось на краже со взломом, и я стал работать с наслаждением» (Драма на охоте);

«У меня работы по горло, но **по обыкновению скучно** и грустно. Пишу, пишу, немножко лечу, опять пишу и по обязанности хожу к добрым знакомым, которые мне надоели» (Е. М. Линтваревой, 23 ноября 1888 г. Москва).

Так, признак «дело», поддерживаясь «интересом», способен нейтрализовать скуку. С этим можно связать появление семантического ответвления в значении ключевой глагольной лексемы: направленность чувства скуки (в значении «болезненно переживать отсутствие чего-либо», развившемся в 30-е гг. XIX в. [см. 5]) на деятельность, пробуждающую внутренний интерес:

«С мая по сентябрь не буду писать ничего крупного. Займусь мелкой работой, **по коей скучаю**» (Ал. П. Чехову, между 18 и 24 апреля 1888 г. Москва).

Другим ведущим оппозиционным признаком, объединяющим смыслы «развлечение», «разнообразие», «занимательность», выступает «веселье»:

«Если **дома скучно**, то ступай в клуб или на гулянье...» (Конь и трепетная лань);

«Она часто **меняет сожителей**, выбирая тех, кто побогаче или у кого есть водка, или **меняет просто от скуки, для разнообразия**» (Остров Сахалин);

«**Скучно в нашем богоспасаемом городе!** Признаюсь, дорогой мой, – добавил он со вздохом, – я очень рад, что вы наконец нашли себе развлечение» (Три года).

Признак «веселье» также не существует в чистом виде и тесно переплетается с «делом» и «интересом»:

«– Ну, что? – спросил у него на другой день редактор. – Были на балу? Понравилось?»

– Так себе... Ничего особенного... (т.е. «необычного, значительного», что могло бы вызвать интерес) – сказал он, **делая скучающее лицо**. – Вяло (без «живости, яркости, энергии» – без веселья). **Скучно**. Я написал заметку в двести строк. Немножко браню наше общество за то, что оно не умеет веселиться» (Сон репортера);

«Вы, говорю, **чтобы скучно не было, служите... хозяйством занимайтесь...** («дело»). Хозяйство превосходное, дивное... Говорят, что они намерены заняться хозяйством, **но все-таки скучно...** Нет у них, так сказать, увеселяющего, возбуждающего элемента. Нет этого... как бы так выразиться... ээ... того... сильных ощущений...» (Драма на охоте).

Так, образованные когнитивно-семантические оппозиции с причинно-следственными отношениями (*скука – интерес; скука – дело; скука – веселье*) позволяют вывести семантическую формулу слагаемых компонентов *скуки*: *скука = нет (интереса + дела + веселья)*.

Основанием для *скуки* может стать любой повод, повлекший за собой личную неудовлетворенность. Значительную группу семантических компонентов-каузаторов можно объединить смысловой областью концептуального признака – «родное, близкое, привычное» (человек и предмет, конкретное и абстрактное). Данный признак сформирован на основе обобщенного лексикографического значения частеречных репрезентантов концепта: «испытывать состояние душевного томления из-за отсутствия кого/чего-либо». Ср:

1) родные, близкие люди: «Значит, опять... отказ в паспорте, письма, круглое одиночество, **скука по ней**, а через пять лет старость, седые воло-

сы...» (Жена); «Вам **скучно без** вашего друга. Надо послать за ним в поле» (Страх);

2) родное, привычное (материальные и нематериальные вещи): «**Без самовара** в избе Чикильдеевых **стало совсем скучно**» (Мужики); «Это оттого, вероятно, что за границей он сильно **соскучился по родине**» (Ариадна).

Сложная природа скуки проявляется в неосознанности причины ее наступления – беспричинности: «**Неизвестно отчего, им овладела скука**, и от праздничной радости в груди не осталось ничего, как будто ее и не было» (Казак).

В состоянии *скуки* как психическом явлении находит отражение взаимодействие человека с жизненной средой. Поэтому помимо перечисленных признаков, в большей степени обусловленных индивидуально-психологическими свойствами личности, необходимо выделить признаки внешних факторов.

К внешним условиям, способствующим возникновению субъективного состояния, можно отнести вынужденное, невольное лишение связи с окружающим миром и людьми по объективным причинам (болезнь, непогода, перемена места жительства, отсутствие социальных контактов, положительных эмоциональных связей с близкими, знакомыми и др.). Из анализа «внешнего смысла» вытекают взаимодополняемые когнитивные признаки «физической изоляции» и «одиначества»:

«За бабьим летом следует хмурое, ненастное время. Днем и ночью идет дождь, голые деревья плачут, ветер сыр и холоден. Собаки, лошади, куры – все мокро, уныло, робко. Гулять негде, из дому выходить нельзя, целый день приходится шагать из угла в угол и тоскливо поглядывать на пасмурные окна. **Скучно!**» (Выигрышный билет);

«Конечно, я здесь **скачаю отчаянно**. Днем работаю, а к вечеру начинаю вопрошать себя, что делать, куда идти, – и в то время, как у вас в театре идет второе действие, я уже лежу в постели» (Вл. И. Немировичу-Данченко, 24 ноября 1899 г. Ялта);

«Терезе часто приходилось сидеть одной в часовне св. Франциска и томиться ожиданием и **скукой**» (Ненужная победа);

«Я дома одна, – сказала она, когда сквозь зелень акаций показалась ее дача. – Муж всегда в городе и возвращается только ночью, да и то не каждый день, и **у меня**, признаться, такая **скука**, что просто смерть» (Огни).

Но одиночество может быть как условием, в силу сложившихся обстоятельств, так и внутренним ощущением, каузирующим другое состояние – скуку: «У себя наверху Юлия обошла все комнаты и перекрестила все окна и двери; ветер завывал, и казалось, что кто-то ходит по крыше. **Никогда еще не было так скучно**, никогда она не чувствовала себя такою одинокой» (Три года).

Чувствительность к воздействию внешних стимулов во многом продиктована смысловой значимостью происходящего для личности. Постоянно повторяющиеся, неизменные процессы приводят к потере живого интереса. Раскроем составляющие смыслы обобщенного признака «однообразие», которым также характеризуется звуковое воздействие на человека, что наглядно демонстрируется следующими контекстами:

«Подсудимый сначала нервно покашливал в рукав и бледнел, но скоро тишина, общая монотонность и скука сообщили и ему» (В суде);

«В зале окружного суда идет заседание. На скамье подсудимых господин средних лет, с испитым лицом, обвиняемый в растрате и подлогах. Тощий, узкогрудый секретарь читает тихим тенорком обвинительный акт. Он не признает ни точек, ни запятых, и его монотонное чтение похоже на жужжание пчел или журчанье ручейка. Под такое чтение хорошо мечтать, вспоминать, спать... Судьи, присяжные и публика **нахохлились от скуки**... Тишина. Изредка только донесутся чьи-нибудь мерные шаги из судейского коридора или осторожно кашляет в кулак зевающий присяжный...» (Сонная одурь).

Это так называемое переживание «ситуативной скуки», вызванное суммой компонентов в определенных обстоятельствах, дополняемой в данных случаях вынужденной пассивностью и сознанием неинтересности.

Возникает эмоциональное состояние скуки и на пересечении с окружающей человека природной средой, где в качестве провоцирующих факторов, входящих в семный состав признака «однообразие», выступают звуковая монотонность, цветовая невыразительность пейзажа. Субъективность чувства подчеркнута перцептивно-эмоциональным ракурсом в отображении конкретной физической среды:

«Меланхолически-однообразная трескотня кузнечиков, дерганье коро-стеля и крик перепела не нарушали ночной тишины, а, напротив, придавали ей еще большую монотонность. Казалось, тихо звучали и чаровали слух не птицы, не насекомые, а звезды, глядевшие на нас с неба...

Первый нарушил молчание Савка. Он медленно перевел глаза с черной Кутьки на меня и сказал:

– **Вам, барин, я вижу, скучно.** Давайте ужинать» (Агафья);

«Друзья мои тунгусы! **Кама – прескучнейшая река.** Чтобы постигать ее красоты, надо быть печенегом, сидеть неподвижно на барже около бочки с нефтью или куля с воблой и не переставая тянуть сиволдай. Берега голые, деревья голые, земля бурая, тянутся полосы снега, а ветер такой, что сам черт не сумеет дуть так резко и противно. Когда дует холодный ветер и рябит воду, имеющую теперь после половодья цвет кофейных помоев, то **становится и холодно, и скучно**, и жутко; звуки береговых гармоник кажутся унылыми, фигуры в рваных тулупах, стоящие неподвижно на встречных баржах, представляются застывшими от горя, которому нет конца» (Чеховым, 29 апреля 1890 г. Екатеринбург).

Скука во взаимодействии с причинным признаком «однообразие» также преодолевается семантически противопоставленными базовыми признаками – «интерес» и «веселье»: «Когда в губернском городе С. **приезжие жаловались на скуку и однообразие жизни**, то местные жители, как бы оправдываясь, говорили, что, напротив, в С. очень хорошо, что в С. есть библиотека («интерес»), театр, клуб, бывают балы («веселье» – развлечение), что, наконец, есть умные, интересные, приятные семьи («интерес»), с которыми можно завести знакомства» (Ионыч).

Практическое бытие человека пронизано бытовой сферой, являющейся формой естественного существования. «Быт – это вещи, которые окружают нас, наши привычки и каждодневное поведение», но также это и «обычаи, весь ритуал ежедневного поведения, тот строй жизни, который определяет распорядок дня, время различных занятий, характер труда и досуга, формы

отдыха, игры, любовный ритуал и ритуал похорон» [6, с. 10–12]. В мире повседневности благодаря повторяемости стандартизованных отношений, стереотипности поддерживается стабильность жизнедеятельности общества, одним из условий которой является понятность и предсказуемость действительности, что в свою очередь несет уверенность, спокойствие и уют [см. 7].

Оборотная сторона размеренной обыденной жизни – порождение привычки и пресыщения, что и воплощается в переживании скуки. Знакомый и привычный, устоявшийся повседневный круговорот начинает тяготить, угнетать, восприниматься как рутинный, безрадостный и неинтересный. Именно во взгляде на повседневную действительность, оцениваемую субъектом положительно или отрицательно, кроются субъективные компоненты психического состояния скуки. В результате анализа контекстуальной информации, относящейся к характеристике внешней среды, складывается перечень когнитивных признаков, составляющих содержание концепта «скука»: *однообразие, повторяемость, ритуальность, обрядовость, привычность, предсказуемость*.

Яркой иллюстрацией признаков с репрезентантом в сильной позиции, заглавии, служит повесть «Скучная история» о жизни профессора медицины Николая Степановича, в каждом дне которого повторяется все «одно и то же», все действия разворачиваются «по обыкновению». Смысл томительно-однообразного круговорота неизменяемой бытовой жизни, раскладываемый по нескольким признакам, реализуется в семантике значительного количества повторяющихся лексем: *обычно, обычный, обыкновенный, постоянно, постоянный, знакомый, всегда, непременно, всякий раз* и др.

«Входит, **по обыкновению**, жена...» (однообразие, повторяемость); «Я не пророк, но **заранее знаю**, о чем будет речь. **Каждое утро одно и то же**» (однообразие, повторяемость, предсказуемость); «Кончается наш разговор **всегда одинаково**» (однообразие, повторяемость); «<...> то жена пройдет через залу со свечой и **непременно** уронит коробку со спичками <...>» (т.е. «неизменно», «неизбежно» – предсказуемость); «Одеваюсь и иду по дороге, которая **знакома** мне **уже 30 лет** <...>».

Способствует поддержанию гнетуще-тягостного состояния скуки и усвоенный порядок действий и поведения, выполняемый по привычке, автоматически: «Как и прежде, **по привычке**, ровно в полночь я раздеваюсь и ложусь в постель»; «В полдень я встаю и сажусь **по привычке** за свой стол <...>» (привычность, обрядовость).

В других случаях привычка помогает снизить уровень осязаемости скуки: «Житье мое по-прежнему хмурое, сонное и однотонное («однообразие»). День идет за днем, ночь за ночью («однообразие», «повторяемость»). Впрочем, **уже не так скучно**, как было раньше. Я привык рано ложиться, учусь рисовать и выпиливаю всякие безделушки» (Нитье).

Проистекает скука и от следования принятым культурным установкам, сложившимся традициям светского поведения. «Ритуальность», «обрядовость» превратили семейный обед в бездушную светскую церемонию, которая не вызывает «ничего, кроме **скуки и раздражения**». Если раньше «обед был временем отдыха и свидания, а для жены и детей праздником... светлым и радостным», то теперь «описывать обед также невкусно, как есть его» (Скучная история). Признаки аккумулируют смыслы «несвободы», «неис-

кренности»: «...нет прежней веселости, непринужденных разговоров, шуток, смеха, нет взаимных ласк и той радости, какая волновала детей, жену и меня...» (там же). Через описательную конструкцию «скука, когда нет...», построенную на отрицательном перечислении, выводится оппозитивный признак «веселье», которым преодолевается состояние скуки.

О наскучившей повседневности в сфере частной жизни идет речь, когда наступает ощущение эмоциональной и смысловой пустоты, исчезает взаимный интерес, растет разобщенность. Здесь также показательна реализация ключевой оппозиции «скука – интерес»:

«Моя вторая семья, то есть жена Наталья Гавриловна, жила в нижнем этаже, в котором занимала все комнаты. Обедала, спала и гостей своих принимала она у себя внизу, **совсем не интересуюсь** тем, как обедаю, как сплю и кого принимаю я. **Отношения** наши были просты и не натянуты, но **холодны, бессодержательны и скучны**, как у людей, которые давно уже **далеки друг другу**, так что даже их жизнь в смежных этажах не походила на близость» (Жена).

Конкретное наполнение смысла «скучного», заключенного в оценочной характеристике отношений, уточняется как эксплицированной семой «интерес», так и семами значений предшествующего ряда однородных прилагательных: *холодные* – не только «лишенные душевной теплоты», но и без проявления интереса, «равнодушные, безразличные» [8]; *бессодержательные* – «бедные содержанием, неинтересные, пустые» [9].

В подтверждение приведем еще один контекст, объективирующий противительный признак «интерес» наряду с признаками «однообразие», «повторение», которые на лексико-семантическом уровне выводятся из словарной дефиниции глагола *прискучать – надоедать* [10] – *надоесть* [8]: стать неприятным, скучным от однообразия, повторения и т.п., перестать интересоваться:

«– Да-с, – говорил Иван Абрамыч, задумчиво глядя в окно. – Жениться никогда не поздно. Я сам женился, когда мне было сорок восемь лет, говорили – поздно, а вышло не поздно и не рано, а так, лучше бы вовсе не жениться. Жена скоро прискучает всякому, да не всякий правду скажет, потому что, знаете ли, несчастной семейной жизни стыдятся и скрывают ее. Иной около жены – “Маня, Маня”, а если бы его воля, то он бы эту Маню в мешок да в воду. **С женой скука**, одна глупость» (Печенег).

Рассмотренные актуальные в данном плане семантические компоненты содержания концепта комплексно выносятся на языковую поверхность адъективными выражениями *обыденная, будничная скука*, в общем виде указывая на скуку повседневности от рутинности, приевшегося быта:

«– Какой я несчастный! – забормотал он. – Боже, какой я несчастный! И радость уступила свое место **обыденной скуке** и чувству невозвратимой потери» (Тиф);

«Со времени описанных событий прошло уже более восьми лет. Одни участники драмы умерли и уже сгнили, другие несут наказание за свой грех, третьи влачат жизнь, **борясь с будничной скукой** и ожидая смерти со дня на день» (Драма на охоте).

Ядерная семантика концепта «скука» также раскрывается признаком «внутренней ощущаемости», в который входит характеристика протекания

эмоционального переживания. Опорой для вычленения признаков служат лексические конкретизаторы:

– **внезапность**: «Утолив голод, он повеселел и стал со смехом рассказывать что-то о семье Биршовых, но, заметив, что это скучно и что Зинаида Федоровна не смеется, замолчал. **И как-то вдруг стало скучно**» (Рассказ неизвестного человека);

– **периодичность/повторяемость**: «Впрочем, он скучал не каждую ночь» (Начальник станции);

– **фазовость**: «Саша в середине июня стал вдруг скучать и засобирался в Москву» (Невеста); «Милостивый государь глядел на нее и ухмылялся... Он уж не чувствовал скуки...» (Баран и барышня);

– **томительность, тягостность**: «Красивая, точно из мрамора высеченная, вся в черном, она слонялась в пестрой толпе пожирателей, от одного артиста к другому, всеми силами стараясь отделаться от своей **томительной скуки**» (Ненужная победа); «**Скука удручающая** («тягостная, гнетущая» – МАС). Жениться что ли?» (М. В. Киселевой, 13 сентября 1887 г. Москва);

– **степень интенсивности и тяжести**: «Я грустил и **немножко скучал**» (Огни); «**Я ужасно скучаю**» (Ненужная победа); «Обыкновенно он приходил перед вечером, ложился и ждал его прихода терпеливо, **не ощущая ни малейшей скуки**» (нулевая степень признака) (Три года).

Помимо выявленных сем и на их основе сформулированных признаков, отражающих когнитивное содержание концепта, зафиксирована экспликация семы «болезнь», содержащейся в одном из диалектных значений в словаре В. Даля («хворать, болеть») [11]:

«Урбенин сел и поглядел на меня благодарными глазами. Вечно здоровый и веселый, он **показался** мне на этот раз **больным, скучающим**. Лицо его было точно помято, сонно, и глаза глядели на нас лениво, нехотя...» (Драма на охоте); «Э-э-эх! И что это за жизнь? **Скука, болен весь... и грудь болит и живот болит...**» (Живой товар).

В современном русском языке это значение утратило свою актуальность, а вот скрытое присутствие семантического компонента невольно подразумевается, подчеркивая томительность и тяжесть в переживании чувства.

Рассмотренный признаковый состав ядерной зоны концептуального микрополя, сформированный комбинацией двух типов анализа – лексикографического и текстового, задает перспективу для дальнейшего вычленения периферийных признаков.

Список литературы

1. **Кубрякова, Е. С.** О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии / Е. С. Кубрякова // Реальность, язык и сознание. – Тамбов, 2002. – Вып. 2. – С. 5–15.
2. **Попова, З. Д.** Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 314 с.
3. **Чехов, А. П.** Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1974–1983. – URL: http://az.lib.ru/c/chehow_a_p
4. **Алефиренко, Н. Ф.** Фразеология в свете современных лингвистических парадигм : моногр. / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Элпис, 2008. – 271 с.
5. **Муравенко, Е. В.** Система и узус в истории глагола «скучать» / Е. В. Муравенко, М. Калюга // Вестник ПСТГУ. Филология. – 2008. – Вып. 3 (13). – С. 72–84.

6. **Лотман, Ю. М.** Беседы о русской культуре (Быт и традиции русского дворянства XVIII – начала XIX века) / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство, 1994. – 399 с.
7. **Золотухина-Аболина, Е. В.** Повседневность: философские загадки / Е. В. Золотухина-Аболина. – Киев : Ника-Центр, 2006. – 256 с.
8. Словарь русского языка (МАС) : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1981–1984. – URL: <http://slovari.ru>
9. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=2383>
10. **Ефремова, Т. Ф.** Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М., 2000. – URL: <http://www.efremova.info/word/prixoditsja.html#.U0-zozWjWts>
11. **Даль, В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М., 1994. – Т. 4. – URL: <http://slovari.ru>

References

1. Kubryakova E. S. *Real'nost', yazyk i soznanie* [Reality, language and consciousness]. Tambov, 2002, iss. 2, pp. 5–15.
2. Popova Z. D., Sternin I. A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: AST: Vostok-Zapad, 2007, 314 p.
3. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete works and letters: in 30 volumes]. Moscow: Nauka, 1974–1983. Available at: http://az.lib.ru/c/chehow_a_p
4. Alefirenko N. F. *Frazeologiya v svete sovremennykh lingvisticheskikh paradigim: monogr.* [Phraseology in the light of modern linguistic paradigms]. Moscow: Elpis, 2008, 271 p.
5. Muravenko E. V., Kalyuga M. *Vestnik PSTGU. Filologiya* [Bulletin of PSTGU. Philology]. 2008, iss. 3 (13), pp. 72–84.
6. Lotman Yu. M. *Besedy o russkoy kul'ture (Byt i traditsii russkogo dvoryanstva XVIII – nachala XIX veka)* [Discussions on Russian culture (Way of life and traditions of Russian nobility in XVIII – early XIX centuries)]. Saint-Petersburg: Iskusstvo, 1994, 399 p.
7. Zolotukhina-Abolina E. V. *Povsednevnost': filosofskie zagadki* [Everyday life: philosophical puzzles]. Kiev: Nika-Tsentr, 2006, 256 p.
8. *Slovar' russkogo yazyka (MAS): v 4 t.* [Russian language dictionary: in 4 volumes]. Ed. by A. P. Evgen'eva. Moscow, 1981–1984. Available at: <http://slovari.ru>
9. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of Russian language]. Ed. by D. N. Ushakov. Available at: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=2383>
10. Efremova T. F. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New Russian language dictionary]. Moscow, 2000. Available at: <http://www.efremova.info/word/prixoditsja.html#.U0-zozWjWts>
11. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the great Russian language]. Moscow, 1994, vol. 4. Available at: <http://slovari.ru>

Маханова Галина Евгеньевна
аспирант, Брянский государственный
университет им. академика
И. Г. Петровского
(Россия, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14)

E-mail: magaev-mge@yandex.ru

Makhanova Galina Evgenyevna
Postgraduate student, Bryansk State
University named after academician
I. G. Petrovsky
(14 Bezhitskaya street, Bryansk, Russia)

УДК 81

Маханова, Г. Е.

Ядерное содержание одного из микрополей концепта «скука» /
Г. Е. Маханова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион.
Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 156–167. DOI: 10.21685/2072-
3024-2016-2-15